

Л. А. Купец

«НАШ» ПРОКОФЬЕВ

(К проблеме научной биографии)

Название статьи имеет небольшую историческую и методологическую интригу: это аллюзия на слова, якобы сказанные Сталиным после просмотра фильма с музыкой Прокофьева. По преданию, вождь с удовлетворением резюмировал: «*Вот теперь это наш Прокофьев*» (подразумеваемая, «советский»). Но образ «нашего» Прокофьева (раннесоветский — в работах Б. В. Асафьева, или же позднесоветский — у И. В. Нестьева) — это образ композитора, который сознательно конструировался в соответствии с потребностями государственной идеологии. Эта гипотеза лежит в основе предлагаемого рецептивного расследования, сделанного на материале жанра научной биографии.

Биография — весьма востребованный жанр в исторической науке и в обществе в целом¹. В данный момент существует разные жанровые разновидности биографии, но их можно свести к следующим: художественная, научная, популярная, академическая. В основе этой классификации лежат социокультурный и стилистический принципы, учитывающие, кем является потенциальный читатель этой биографии и какими языковыми средствами пользуется автор. Научная биография — довольно редкий исследовательский жанр, и этому есть две причины: необходимость изучения большого количества разнообразных источников-документов и неразработанность характеристик жанра (поэтому его периодически называют: то «жизнь и творчество», то «жизнь и деятельность», то «биография» (хотя это может быть совсем и не научная биография)) [1, с. 52–53]. По мнению А. Демченко, научная биография — это широкое научно-документальное исследование жизни изучаемого деятеля в связях с исторической эпохой, средой и семейной обстановкой [1].

Биография в российском музыкознании существовала фактически с князя Одоевского, который чрезвычайно высоко ценя И. С. Баха, написал о нём романтическую новеллу, положившую начало русской бахиане. А с 1891 по 1894 гг. в серии «Жизнь замечательных людей» Ф. Павленкова выходят биографии зарубежных и русских композиторов: Р. Вагнера, В. Моцарта, М. И. Глинки, Ф. Шопена, Дж. Мейербергера, Л. Бетховена, Р. Шумана, А. Серова, И. С. Баха, А. Даргомыжского². Существовала и модель для этих биографических очерков: объем

¹ Основоположителем биографии традиционно считают древнегреческого ритора Исократа, жившего в 5–4 вв. до н. э. В поминальной речи о кипрском тиране Эвагоре им были намечены основные принципы в построении исторической биографии: сначала рассказ о предках героя, последовательное изложение событий его жизни от рождения до смерти, привлечение суждений современников о нём, рассуждения о его судьбе и в финале — апофеоз героя.

² Тираж каждой книги составлял, как правило, 8100 экз.

80–90 страниц; 6–9 глав, выдержанных хронологически; список литературы и обязательно ноты — несколько сочинений композитора для игры на фортепиано с целью популяризации его творчества (это могут быть и переложения иных жанров — опер, симфоний, романсов и др.)³. К биографическим статьям можно отнести и энциклопедические статьи о композиторах в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (здесь и далее — ЭСБЕ), многие из которых написаны Н. Ф. Соловьевым. Среди авторов первых русских биографических изданий были как профессиональные музыканты (Н. Соловьев⁴, И. Давидов⁵), так и литераторы (С. Базунов⁶, а также чрезвычайно близко соприкасавшиеся с музыкой М. и А. Давыдовы⁷).

Все эти работы следовали традиции т. н. викторианской биографии конца века, находившейся под влиянием романа воспитания. Как отмечает Е. Иванова: «они отражали одно и то же представление, одну и ту же утопическую модель человеческой жизни. Согласно ей, одарённый от природы определённым набором черт индивидуум постепенно развивается в цельную личность с чёткими представлениями о себе, обществе и своём предназначении, а все жизненные события направлены к определённой цели. Формируется стандартная модель жизненного пути: первая фаза приходится на детские и юношеские годы, когда герой развивается и может совершать ошибки, чтобы затем перейти во вторую, зрелую фазу, период главных свершений, когда биографическое развитие уходит на второй план. Покой старости составляет третью фазу человеческой жизни. Трёхфазная модель помогала упорядочивать жизненные события, подчиняя их изначально заданной логике и обеспечивая биографии композиционное единство. Эта модель соответствовала и общей тенденции к идеализированному представлению

³ Этот принцип популяризации затем был весьма активно использован в советское время журналом «Музыкальная жизнь» (с 1957) и в постсоветский период журналами «Старинная музыка» (с 1999) и «Музыкальная академия», которая с 2016 г. издавала музыкальный альманах в качестве нотного приложения к журналу.

⁴ Соловьев Николай Феопемптович (1846–1916) — ученик Н. Зарембы, был близок А. Серову. Заслуженный профессор Санкт-Петербургской консерватории, блестящий критик, отредактировавший и написавший более 1000 статей в ЭСБЕ. Как композитор получил 2-ю премию на конкурсе по либретто Я. Полонского к произведениям Гоголя (1-ю премию дали П. И. Чайковскому).

⁵ Давидов Иван Августович (1861–1906) — надворный советник, композитор, сын математика, профессора Московского университета А. Ю. Давыдова (старшего брата К. Ю. Давыдова — выдающегося виолончелиста и директора Санкт-Петербургской консерватории), дирижер и педагог, ученик Н. А. Римского-Корсакова.

⁶ Базунов Сергей Александрович (1857–1903) — русский литератор, представитель известной в России династии книгопродавцев Базуновых.

⁷ Давыдова Мария Августовна — писательница (1863 –?), дочь А. Ю. Давыдова. Ею написаны биографии Моцарта, Шумана и Мейербера для биографической библиотеки Павленкова (серия «ЖЗЛ»).

Давыдова Лидия Карловна (Туган-Барановская) (1869–1900) — дочь К. Ю. Давыдова, журналист, переводчица, публицист, общественный деятель; написала для издания Павленкова биографические очерки о Дж. Элиоте и Ф. Шопене.

героев биографий» [2, с. 31]. Такая панегирическая биография обходит стороной все моменты, которые могут умалить величие героя рассказа, поэтому особенно в Германии XIX в. задача создания биографий национальных героев воспринималась весьма серьёзно, как вопрос национального престижа.

Изменение историко-культурной ситуации после 1917 г. в России приводит к изменению отношения к биографиям музыкантов. С этого момента и вплоть до начала 1940-х гг. идет сознательное конструирование советского пантеона композиторов и их сочинений. В число избранных включаются как представители предыдущих столетий (Л. ван Бетховен, М. П. Мусоргский, М. И. Глинка, Ж. Бизе)⁸, так и современники. Определение принадлежности музыкантов и композиторов к «нашим», т. е. советским, прослеживается с конца 1920-х гг. (от первого издания Большой советской энциклопедии и популярных композиторских биографий для слушателей Б. В. Асафьева)⁹.

Именно с этого времени биографические описания, написанные советскими авторами, утрачивают черты сходства с биографиями, предлагаемыми западными исследователями, где наступает время «новой биографии». Почти одновременно она возникает во Франции — в творчестве А. Моруа, в Англии — у Дж. Л. Стрэчи, в Германии — в творчестве Э. Людвига и заметно отличается от своей предшественницы. Её основными принципами становятся повышенное внимание к внутреннему миру человека, подчёркнутая психологичность в описании внутреннего мира героя, установка на объективность фактов, отказ от оценки и лакировки событий и поступков, часто иронический тон. Во многом эта новая стадия развития жанра стала реакцией на панегиричность традиционной биографии XIX в¹⁰.

Российские же биографии этой эпохи представляют собой сочетание двух взглядов на биографию XIX столетия: социально-ориентированного (первой половины века)¹¹ и викторианского (второй половины столетия). К этому добавился обязательный «советский» компонент — тотальная цензура, господствовавшая в СССР с 1930-х и до середины 1950-х гг.¹²

Точкой отсчета для создания «нашего» советского Прокофьева можно считать 1927 г., когда появляется первая биография композитора, написанная другом по консерватории Б. В. Асафьевым. Дата выхода издания сразу привлекает внимание, т. к. именно в этом году Прокофьев впервые после почти десятилетнего отсутствия решает приехать на гастроли в советскую Россию и получает советский паспорт. Возможно, это была случайность или совпадение. Но более реально вкладывать в это событие определенный смысл, ибо с этого момента Прокофьева начинают активно агитировать за возвращение на Родину. СССР в конце 1920-х гг. вступает в борьбу за трех русских музыкальных гениев мирового

⁸ Подробнее об этом см. [3, 4].

⁹ См. об этом [5].

¹⁰ Подробнее об этом: [2, с. 36–52].

¹¹ Биографы первой половины XIX ощутили влияние Ш. О. Сент-Бёва.

¹² О политической цензуре СССР см. [6].

масштаба — Рахманинова, Стравинского и Прокофьева, проживавших за границей. Цель борьбы видится идеологической: сделать поле конструируемой советской музыки реальным и высокорейтинговым для Запада¹³.

Список публикаций о Прокофьеве, появившихся в СССР в 1927 г.:

Асафьев Б. В. *Русская симфоническая музыка за 10 лет // Музыка и революция. 1927, № 11.*

Глебов И. (Асафьев Б.) *Сергей Прокофьев. Л.: Тритон, 1927.*

Асафьев Б. *За восемь лет // Современная музыка. 1927. № 19.*

Асафьев Б. *Прокофьев-исполнитель // Жизнь искусства, 1927. № 7.*

Богданов-Березовский В. *Сергей Прокофьев // Рабочий и театр. 1927. № 18.*

Держановский Вл. *Увертюра ор. 42 С. Прокофьева // Современная музыка. 1927. № 19.*

Кузнецов К. *Живой облик Прокофьева // Современная музыка. 1927. № 20.*

Беляев В. *Возвращение Прокофьева // Жизнь искусства, 1927. № 6.*

В 1930-е г. формируются модели советского человека¹⁴ (композитора, слушателя, читателя, писателя...) "советской" культуры (включая музыкальную культуру в ее морфологическом разнообразии). Также формируется жанр советской научной биографии о композиторе. Ее родоначальником выступает чрезвычайно любимый в СССР французский писатель Р. Роллан — нобелевский лауреат по литературе, автор бестселлера «Жизнь Бетховена» (1903). Вероятно, для советских идеологов левые политические взгляды Роллана были базовым аргументом для популяризации его книги в СССР, а выбор героя — Бетховена — полностью соответствовал критериям в формировании советского пантеона композиторов¹⁵. Переведенная и опубликованная на русском языке в 1937 г., она представляет собой пример романтизированной биографии, характерной для XIX в., с ее установкой на интерпретацию жизни героя в рамках определенного историко-социального контекста. Такой подход становится основополагающим для советских научных биографий конца 1930-х гг. Он, в частности, был применен М. Брук в биографии о Бизе, где французский композитор мыслится как явный последователь Бетховена и глашатай всех угнетенных в этой опере. Автор посвятила свою книгу Роллану, с которым состоял в личной переписке ее муж — Д. Гачев¹⁶. Известно, что и Прокофьев читал книгу Роллана в 1939 г. и, как считает И. Нестьев,

¹³ В пользу этой гипотезы свидетельствуют: публикация в журнале «Музыка и революция» (№ 22, 1926 г.) статьи наркома просвещения А. В. Луначарского о творчестве Бетховена и Прокофьева, выпуск первой монографии Б. В. Асафьева о Стравинском, статьи В. В. Беляева (специалиста по этномузыкологии) о Прокофьеве.

¹⁴ О формировании и трансформации советской культуры, «конструировании» советского читателя и писателя см. [7, 8, 9].

¹⁵ В 1935 г. по приглашению Горького Р. Роллан посетил Советский Союз и взял интервью у Сталина.

¹⁶ Подробнее об этом см. [10].

пятая, шестая и седьмая фортепианные сонаты были задуманы под непосредственным впечатлением от этой книги [11, с. 436].

Если брошюра Асафьева (она озаглавлена «очерк») принадлежит к разряду популярных изданий, то небольшая статья И. И. Мартынова¹⁷ о композиторе, опубликованная в 1940 г. в 1-м издании Большой советской энциклопедии (здесь и далее — БСЭ), укладывается в рамки жанра научной биографии. Абрис Прокофьева в этой прижизненной статье выглядит следующим образом: Прокофьев назван выдающимся советским композитором, с грубоватым, но здоровым чувством юмора, он — первоклассный пианист и мастер композиции [12]. Весьма завуалировано автор рассказывает о зарубежном периоде композитора. Если, по мнению современных исследователей, Прокофьев окончательно остался в СССР в 1936 г. [13, 14], то Мартынов пытается максимально скрыть этот период в жизни и творчестве композитора. Поначалу упоминая о зарубежных гастролях с 1918 г., гастролях в СССР 1927 г., биограф вскоре вообще перестает датировать события. Тем самым создается впечатление, что композитор то ли с 1927 г. живет в СССР, то ли всегда там жил, периодически выезжая за границу. В отличие от «советских» сочинений Прокофьева с их простотой и ясностью, все его зарубежные опусы Мартынов называет «формалистическими», что, по мнению автора, свидетельствует о творческом кризисе композитора. Из советских произведений Мартынов наиболее положительно отзывается о балете «Ромео и Джульетта» и двух кантатах — «Александр Невский» и «Здравица»¹⁸ [12].

Такой взгляд на Прокофьева повторяет и продолжает развернутая анонимная статья из 2-го издания БСЭ, изданная сразу после смерти композитора в 1955 г. [15]. Не изменяясь в целом, образ Прокофьева, созданный ранее Мартыновым, расширяется фактологически за счет упоминания новых сочинений (например, оперы «Война и мир»), акцентируется важное место композитора в истории музыки. Его музыке приписываются такие качества как: гуманизм, человечность, а самого Прокофьева называют реалистом, прямым наследником «Могучей кучки» и А. С. Даргомыжского; отмечается и его влияние на советских и зарубежных авторов. Чуть корректируются годы пребывания за рубежом — до 1932 г. Упоминается постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» 1948 г., которое оценивается как правильное потому, что, по мнению автора статьи, у Прокофьева были произведения с «пережитками прежних модернистских заблуждений» [15, с. 219]. В последнем абзаце перечисляются все его награды, включая Сталинские премии. В качестве иллюстраций к статье, кроме портрета Прокофьева, был использован автограф партитуры «Вставайте люди русские» из кантаты «Александр Невский». Включение этого иллюстративного

¹⁷ Мартынов Иван Иванович (1908–2005) — музыковед, музыкальный критик; заслуженный деятель искусств РСФСР (1974). Окончил историко-теоретический факультет Московской консерватории (1936), вице-президент Ассоциации музыкальных деятелей Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Автор книги о Прокофьеве, изданной в 1974 г. (серия «Классики мировой музыкальной культуры»).

¹⁸ В характеристике «Здравицы» он связывает воедино русский фольклор и любовь народа к Сталину [12].

материала выглядит символично и несет пропагандистский подтекст для читателя: с его помощью Прокофьев недвусмысленно трактуется как патриотический и народно ориентированный композитор, чья музыка полностью соответствует доктрине социалистического реализма.

Собственно первой научной биографией Прокофьева можно назвать загадочное издание: заказную монографию (превратившуюся в кандидатскую диссертацию) тогда еще молодого аспиранта И. В. Нестьева¹⁹, написанную в 1941 г. к 50-летию композитора. Подготовленная к печати в издательстве «Музгиз», на следующий год после выхода она была передана Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей (ВОКС). Известно, что, несмотря на абсолютно несоизмеримый вес в музыкальной среде молодого автора и маститого композитора, Прокофьев проникся к юноше симпатией, давал ноты произведений, активно и охотно отвечал на вопросы и даже смотрел полную версию книги, делая пометки собственноручно. Он согласился на публикацию ее за рубежом раньше, чем в СССР²⁰. И в 1946 г. она была издана в Нью-Йорке на английском и французском языках²¹. Позже у Нестьева вышла еще одна монография о Прокофьеве в 1957 г. (первое издание) и в 1973 г. (2-е уточненное издание). В предисловии второго издания автор отказывается фактически от предыдущей версии²².

Биография 1973 года, до сих пор считающаяся канонической, называется «Жизнь Сергея Прокофьева», и потому ориентирует читателя именно на жанр научной биографии. Фактически ее можно причислить к академическим изданиям: по объему (662 стр.), по разнообразию использованных источников (письма, рецензии, монографии, русские и зарубежные статьи до и после 1917 г.), по количеству постраничных ссылок на используемые источники, по числу приложений (указатели музыкальных произведений и встречающихся имен, библиографический список, дискография), по соединению биографического описания-реконструкции с анализом творчества и стиля композитора (в тексте есть и нотные примеры) [16].

В тоже время роллановские следы просматриваются в эмоционально-окрашенных названиях глав: «Степной мальчик» (возможная аллюзия на «Моцарт —

¹⁹ Нестьев Израиль Владимирович (1911–1993) — музыковед, музыкальный критик, окончил историко-теоретический факультет Московской консерватории (1937) и аспирантуру там же (1940), научный руководитель В. Э. Ферман. Доктор искусствоведения (1970), диссертация «Бела Барток. Жизнь и творчество».

²⁰ Такая заинтересованность Прокофьева в молодом авторе, возможно, была связана и с определенными композиторскими амбициями: выход книги продемонстрировал бы западным коллегам успешность в избранной стратегии возвращения в СССР.

²¹ Подробную историю об этом феномене см. [17].

²² Заметим, что и 1957 и 1973 гг. имеют особое значение для политической истории СССР. В 1956 г. прошел XX съезд партии, развенчавший культ личности и провозгласивший курс на сближение с капиталистическими странами. 1974 — это период признания советского диссидентского движения в мире и высылка А. Солженицына после выхода в Париже первой части романа «Архипелаг Гулаг», разгон так называемой «Бульдозерной выставки» московских художников-авангардистов. Кроме политических событий эти годы имели отношение к биографии вдовы композитора — Лины: в 1956 г. после 8 лет заключения она была освобождена из лагеря, а в 1974 г. ей дали разрешение на выезд за рубеж.

солнечный мальчик» Г. Чичерина и подчёркивание влияния степи и народности на процесс формирования юного гения), «Штурм унд дранг» (явное бетховенианство), «Годы странствий» (листовский подтекст), «На распутье», «Неблагодарная полоса», «Солнечный закат», «Добрый мастер». Собственно анализ биографических событий дан либо с комментариями в пользу «правильного» советского Прокофьева, или же замалчивая событие. Например, комментируя цитату из письма композитора к В. Алперс по поводу его путешествия на пароходе по Каме во время гастролей в СССР летом 1934 г., автор, резюмируя от имени альтер эго Прокофьева его впечатления, пишет следующее: «Можно представить себе, какое вдохновляющее воздействие на композитора должно было оказать счастливое обращение с Россией, о которой он так долго мечтал» [18, с. 362]. Или акцентируется разочарование, постигшее Прокофьева в Америке в 1922 г. в связи с недоброжелательной критикой и холодным приёмом публики (но эти причины не называются и даже не выдвигаются в качестве возможных причин разочарования) [16]. Подводя итоги 1918–1923 гг. (первой пятилетки «зарубежных скитаний»), Нестьев недвусмысленно формулирует прямую зависимость Прокофьева от России, утверждая, что запас творческой энергии композитора в эти годы был целиком связан с его предыдущим периодом, когда он жил на родине. По этой причине запаса творческих идей и замыслов хватило композитору и после отъезда. Также предельно однозначно заявлена историко-социальная обусловленность творчества Прокофьева: его сочинения есть «интуитивное постижение грозных социальных бурь, пережитых Россией и Европой» [16, с. 237].

Абсолютной *terra incognita* в излагаемой биографии стала личная жизнь Прокофьева: сведения об обеих женах минимальны и совершенно не раскрывают их отношения с композитором, их значение в его жизни, и, конечно же, полностью отсутствует их собственные биографии. Ничего нет и о его сыновьях, они лишь упоминаются. Другой темой для умолчания становятся сложные отношения Прокофьева с секретариатом Союза композиторов СССР и, вообще, ракурс — «композитор и советская идеология». Имя Сталина упомянуто четырежды: три раза в связи с кантатой «Здравица» и один раз — со смертью вождя.

Интерпретация же произведений Прокофьева, написанных уже в СССР, например, Пятой, Шестой и Седьмой симфоний, носит исключительно хвалебный характер. Автор вступает в дискуссию с воображаемыми критиками (по умолчанию из числа иностранцев) и в духе политических лозунгов «Догнать и перегнать Америку» и «Наше — лучшее в мире» именно эти симфонии называет «монументальными, наивысшими достижениями русского эпического симфонизма» [16, с. 532]. Самого композитора, при этом, ставит в один ряд не только с Д. Д. Шостаковичем, Н. Я. Мясковским и А. И. Хачатуряном, но и с зарубежным авторами — И. Стравинским, Б. Бартоком, А. Онеггером.

В заключение книги Нестьев старается максимально отодвинуть своего героя от влияния и связей с западной музыкой, считая их временными и неубедительными [16, с. 630]. Наиболее резко он отрицает связь Прокофьева с такими стилевыми направлениями как урбанизм, неоклассицизм и экспрессионизм. В противовес им

выдвигается идея о гармонии и красоте музыки Прокофьева как «качестве духовного здоровья, которые превосходно сочетались с идеями социалистического гуманизма» [16, с. 631].

В статье о композиторе для Музыкальной энциклопедии Нестьев в сжатом и лапидарном стиле создает портрет «нашего» Прокофьева: великого русского композитора, написавшего свои лучшие сочинения в СССР — стране, которая по достоинству оценила его гений и которым она может гордиться. А он, в свою очередь, стал истинным сыном советского народа, не без некоторых издержек в прошлом, по мнению автора этой статьи [17].

Этот образ функционирует и в 3-м издании БСЭ, где автором статьи о Прокофьеве был Ольгерд Борисович Степанов, специалист по музыкальному театру Прокофьева. Тиражируются те же маркеры, что и ранее: «Пребывание за рубежом вместо предполагаемых нескольких месяцев продолжалось 15 лет. <...> В последние годы пребывания за рубежом творческая активность П. стала снижаться — давал себя знать длительный отрыв от Родины. <...> Он становится в ряды активных строителей советской музыкальной культуры. <...> В послевоенные годы творчество П. приобрело черты особой ясности, классической стройности, мудрой простоты...» [18]. Здесь не упоминается Постановление ЦК ВКП(б) 1948 г. о Сталинских премиях, нет сведений о «Русских сезонах» С. Дягилева в Париже, и вообще это, скорее, — творческая биография композитора.

Романтизация образа композитора свойственна научно-популярной биографии, представленной в серии «Жизнь замечательных людей» (здесь и далее — серия «ЖЗЛ») советского времени. Биография композитора, написанная С. А. Морозовым, вышла в 1967 (юбилейном для Прокофьева) году. Обращает на себя внимание личность автора, который на настоящий момент считается патриархом теории и истории фотографии²³. Будучи почти ровесником Шостаковича, Морозов вправе был написать в предисловии о своей личной любви к Прокофьеву [18]. Биография вышла во многом беллетристической и пафосной; жизнь Прокофьева пересказана как роман с художественно-литературными названиями глав: «Странствующий скиф», «Новые берега», «Одержимость» и т. п. О беллетристичности свидетельствует уже самое начало повествования, где первый раздел имеет подзаголовок «Солнцевский мальчик»: «Счастливым, каким может быть счастливым только в три года, ребенок кувырчался в постели отца; упал с нее и ударился лбом о железный сундук» [18, с. 7] «Жила в семье и была чтима Музыка» [18, с. 11]. В книге много зарисовок, диалогов, разномасштабный синтаксис предложений и небольшие объемы абзацев. В духе викторианской биографии Морозов всячески оправдывает и возвышает героя: «Прокофьев не разбирался в событиях (это об осени 1917 г. — Л. К.), но здесь он был подобен Гайдну, который главным делом считал свой труд», — так, со ссылкой на мнение Стендаля о Гайдне констатирует автор [18, с. 87].

²³ Морозов Сергей Александрович (1905–1983) — искусствовед, историк и теоретик фотоскуства, автор теоретических и биографических книг, в том числе — книги «Творческая фотография». Заслуженный работник культуры РСФСР.

Подводя итог кратким рецептивным изысканиям, уточним, что сейчас книга, И. Нестьева более чем сорокалетней давности, имеющая явные и скрытые советские подтексты и контексты, признается специалистами в качестве научной биографии о Прокофьеве. Попытку резко изменить ситуацию и превратить «нашего» (советского) Прокофьева в иного Прокофьева сделал И. Г. Вишневецкий²⁴. Он и стал автором новой научно-популярной биографии композитора, вышедшей в 2009 г. в серии «ЖЗЛ». Анализ этой книги не входит в задачу статьи, но это, без сомнения, — совсем другой Прокофьев, с иным биографическим ракурсом и потенциальными выводами читателя. Высокую профессиональную оценку работе дали и музыковеды (А. Булычева, Е. Ключникова) и филологи-лингвисты (Р. Фрумкина). Тем не менее, это издание нельзя считать научной биографией²⁵: для научности ей недостает профессионализма в анализе музыкальных сочинений и полновесного биографического аппарата, а для научно-популярного издания она слишком объемна и специализирована²⁶.

* * *

В заключение можно констатировать, что в настоящее время в России современная научная биография о С. Прокофьеве отсутствует. Эта парадоксальная ситуация связана с комплексом причин историко-политического, культурного и этического плана.

Историко-политические причины кроются в необходимости пересмотра места и функции Союза композиторов СССР в контексте взаимоотношений этой организации с Прокофьевым, благодаря открывающимся вновь фактам в существующих архивных документах. Кроме того, архивы разделены на две части — зарубежную и российскую. Исторический казус наличия двух вдов (Лины Прокофьевой и Миры Прокофьевой) композитора, официально признанных судом, привел к тому, что первая организовала зарубежный архив, а вторая — передала музею имени М. И. Глинки отечественный архив композитора.

Комплекс историко-культурных причин, влияющих на отсутствие научной биографии Прокофьева, состоит в том, что музыковедение видит два различных ракурса освещения фигуры композитора: первый — в рамках мирового исторического контекста своего времени (первая половина XX в.), второй — с учетом

²⁴ Игорь Вишневецкий — это человек, прошедший обратный путь, нежели Прокофьев: советский ростовский юноша поколения 1960-х (р. 1964), выпускник филфака МГУ, с 1995 г. живет и работает в США.

²⁵ Вместе с тем, Р. Фрумкина в конце рецензии вполне резонно размышляет о неопределённости этой биографии с точки зрения потенциального читателя [20]. Изъяны в биографической объективности Вишневецкого отмечает и Е. Ключникова, считая, что зарубежному периоду уделено гораздо больше внимания, чем советскому, с одной стороны, и присутствует предвзятость в описании событий и людей советского времени, с другой [21]. Вопросы по музыкальным сочинениям (их анализу) возникают, в свою очередь, и у А. Булычевой, которая вполне резонно заявляет о желательности полных ссылок на источники [22].

²⁶ Мнение И. Вишневецкого об идеальной биографии см. [23].

места в истории музыки СССР. Ярким представителем первого подхода является С. Моррисон²⁷, второго — И. Нестьев.

Существуют также и этические причины. Слишком сложна и неоднозначна трактовка личная жизнь композитора, его непростые взаимоотношения с советскими музыкантами разного уровня, чьи близкие и родственники сейчас воспринимают тренд демифиологизации биографии не как научный, а как субъективный. Это субъективное восприятие фигуры Прокофьева-композитора основывается на личных переживаниях и эмоциях, которые далеки от научного объективного подхода.

Необходимо также отметить, что в настоящее время в музыковедении практикуется новый научный подход, позволяющий предложить новую версию творческой биографии — так называемую «personal history» («персональную историю» или «индивидуальную историю»)²⁸. И эта версия, наряду с уже существующими иными подходами к творческой биографии композитора, может быть весьма продуктивной для создателей будущей научной биографии о С. Прокофьеве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Демченко А. А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. Саратов. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 52–61.
2. Иванова Е. А. Жанр «новой биографии» в творчестве Эмиля Людвиг: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014. 220 с.
3. Раку М. Г. Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи М.: Новое литературное обозрение, 2014. 720 с.
4. Купец Л. А. Музыкальная картина мира в художественном процессе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2014. 320 с.
5. Букина Т. В. Музыкальная наука в России 1920–2000-х годов (очерки культурной истории). СПб.: Изд-во Рус. христиан. гум. академии, 2010. 192 с.
6. Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора 1929–1953. СПб.: Академический проект, 2000. 312 с.
7. Паперный В. З. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 384 с.
8. Добренко Е. Формовка советского читателя. СПб.: Академический проект, 1997. 321 с.
9. Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999. 557 с.
10. Купец Л. А. Жорж Бизе в отечественной музыкальной историографии 1930-х — 1980-х гг. // Проблемы музыкальной науки. 2009. № 1 (4). С. 156–160.
11. Нестьев И. В. Жизнь Сергея Прокофьева. М.: Сов. Композитор, 1973. 662 с.
12. Мартынов И. И. Прокофьев С. С. // Большая советская энциклопедия: в 66 т. Изд. 1-е. М.: Сов. энциклопедия. 1940. Т. 47. С. 216.
13. Вишневецкий И. Сергей Прокофьев. М.: Изд-во. «Молодая гвардия». 2009. Серия «Жизнь замечательных людей». 703 с.

²⁷ Саймон Моррисон (р. 1965) — музыковед, профессор Принстонского университета, в недавнем прошлом редактор журнала фонда С. Прокофьева «Три апельсина» (Three Oranges), один из крупных западных специалистов, изучающих творчество Прокофьева, и автор книги о Лине и Сергее Прокофьевых, вышедшей в русском переводе в 2014 г.

²⁸ Подробнее об этом см. [24].

14. Morrison S. The Peoples Artist: Prokofiev's Soviet Years. Oxford University Press, 2008. 508 p.
15. Прокофьев С. С. // Большая советская энциклопедия: в 52 т. Изд. 2-е, М.: Большая сов. энциклопедия, 1955. Т. 35. С. 17–20.
16. Нестьев В. Сергей Прокофьев. История одной публикации // Музыкальная академия. 2014. № 3. С. 63–70.
17. Нестьев И. В. Прокофьев С. С. [Электронный ресурс] // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. М.: Большая сов. энциклопедия, Т. 4. 1978. URL: http://enc-dic.com/enc_music/Prokofev-S-S-5872.html (дата обращения: 12.06.2016).
18. Степанов О. Б. Прокофьев С. С. [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия: 30 т. Изд. 3-е. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 21. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/2101.htm> (дата обращения: 12.06.2016).
19. Морозов С. А. Прокофьев. М.: Молодая гвардия, 1967. Серия «Жизнь замечательных людей». 280 с.
20. Фрумкина Р. Большая книга о Сергее Прокофьеве [Электронный ресурс] // URL: <http://polit.ru/article/2010/12/17/prokofjev/> (дата обращения: 12.06.2016).
21. Ключникова Е. Страсти по Прокофьеву [Электронный ресурс] // Музыкальное обозрение. 2010. № 2. URL: http://gvardiya.ru/publishing/smi/strasti_po_prokofevu (дата обращения: 12.06.2016).
22. Булычева А. Кругосветное путешествие скифа [Электронный ресурс] // Новый мир. 2010. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/7/bu18.html (дата обращения: 12.06.2016).
23. Бавильский Д. Игорь Вишневецкий: «Чистым композитором Прокофьев не был» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=35> (дата обращения: 12.06.2016).
24. Путилова Е. Особенности использования биографического метода в исторической науке [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/biografiya-glazami-istorika> (дата обращения: 12.06.2016).